

Оруженосец правды и доброты

К 85-летию народного писателя БССР Кондрата КРАПИВЫ

Дорогой Кондрат Кондратович, решил сегодня обратиться к тебе с этим словом через газету, чтобы напомнить людям о рыцарственном отношении писателя К. Крапивы к своему гражданскому и художественному долгу, о творческом мужестве убежденного и проникнутого высокими идеалами таланта, о последовательном твоим служении народу. У нас с тобой — общая молодость. Мы подбирали шаг, вслушиваясь в марши красноармейских оркестров, увлекались поступью первых строителей нового мира. Я помню тебя по двадцатым годам розовощекиим богатырем в долгополой шинели. Один из самых восторженных и строгих среди «молодняковцев», ты привлекал внимание не по годам зрелыми суждениями и, главное, совершенными литературными произведениями. Тебя читал народ, не зная, что ты — дебютант. Твои пьесы смотрели люди, не догадываясь, что на подмостки сцены всходит молодой драматург.

Когда в 1926 году вышла в свет твоя «Библия», в Белоруссии прибавилось победного смеха. Сатирическая направленность твоих басен сродни крыловским традициям и, как ты сам помнишь, тогда концертная эстрада и пионерские сборы не обходились без декламации твоих зазорных, едких, колющих строк. Крылов изумительно владел так называемым «эзоповым языком», ты же отбросил забрало и ринулся на хапуг и лизоблюдов, на мракобесов от религии и шкурников-карьеристов, как бросаются в атаку бойцы передовой линии. Я и сейчас листаю твою «Библию», заражаясь весельем: как мудро и лукаво высмеивает твоя лира поповские бредни и фарисейскую казуистику, наслоившиеся на подлинное поэтическое сочинение далеких времен! Мне

и сегодня по душе точность твоего сатирического «огня», поражающего довольно живучие «мишени».

Разносторонний талант К. Крапивы подарил нашей культуре ценности в разных видах и жанрах литературы. Плодотворны твои опыты в эпической прозе; признаны заслуги в переводческом искусстве; известен ты как ученый-лингвист; в научном обороте твои теоретические изыскания в области комедииографии... И есть у тебя излюбленное оружие. Ты — сатирик.

Об этом уже написано и сказано много. Я замечу только такую особенность: с твоей легкой руки стали нарицательными два имени — «Туляга» и «Горлохвастский». Какие это живописные фигуры удивительной комедии «Кто смеется последним», озаренной светом театральной рампы с того памятного дня 6 октября 1939 года, когда восторженный минский зритель овациями приветствовал премьеру в Первом БДТ, у купаловцев, с участием незабываемых исполнителей Г. Глебова, Л. Рахленко, Б. Платонова, С. Станюты, В. Полло, Г. Григониса, Л. Ржецкой... Сорок с лишним лет этот шедевр советской комедииографии не сходит со сцены. Без опыта этого произведения невозможно себе представить становление и развитие комедийного жанра в драматургии, театре.

Однако вернусь к нарицательности имен Туляги и Горлохвастского. Когда мы судим о человеке, преодолевшем свою трусливую натуру и обретающем настоящую гражданскую смелость, нам приходится на ум имя Туляги. При всей жестокости смеха, с которым ты обрушился на него в начале комедии, он все-таки внушает зрителю уверенность в торжестве человечности в

человеке, когда человек честен. Что же касается Александра Петровича Горлохвастского, тут обобщение еще значительнее. Он и фигура, как говорится, приписанная к своему времени, к определенной среде и к определенным условиям, которые способствовали обитанию этого политического прохиндея, а потом и сбросили с пьедестала. Он и воплощение того «хвастательного инстинкта», который рядится в любые одежды, лишь бы прослыть «деятелем», «борцом», «лидером». Я слышал, как об одном нахрапистом американском деятеле активиста нашего движения в защиту мира сказала: «Этот Горлохвастский из Вашингтона...» Метко!

Да, твоё сатирическое оружие бьет метко. Ты срываешь маски с порока, показываешь его античеловеческую сущность, социальный вред. В комедийных характерах твое перо высмеивает, вооружая нас зрением, даже бдительностью. Смех, с которым читатель читает твои комедииографические произведения, а зритель смотрит их в театре, — победоносный. Пускай мы испытываем гнев, отвращение, ненависть к временно торжествующему злу, пусть нас огорчает его мимикрия, вводящая в заблуждение честных людей, все равно очистительный смех пробуждает в нас активные эмоции.

Воинствующий дух животворен и в твоей последней по времени написании комедии «Врата бессмертия», где ты так оригинально подводишь к заветным вратам разных псевдоревнителей правды, всевозможных претендентов на вечную жизнь, приспособленцев и чванливых чиновников, слугителей культа и служащих сферы обслуживания. Увлеченные происходящим в пьесе, во-

сторженно встречая доярку, которая ратует за бессмертие своей рекордистки коровы-кормильницы, мы всерьез задумываемся о подлинном праве на память потомков человека наших дней. Твой смех бодрит, одухотворяет, формирует в сознании формулу победы над злом. Хорошо, что ты, Кондрат Кондратович, не преуменьшаешь зла и своим смехом не умаляешь достоинств победителя, который вместе с тобою выступает против крупного и даже порою социально опасного врага, носителя чуждой нам морали. Это немаловажная заслуга сатирика!

В докладе товарища Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС приводятся примеры современной действительности, достойные внимания сатирика и комедииографа. Партийная непримиримость ко всякого рода бюрократическим типикам, к пройдохам, к подхалимам, к очковитателям, к обманщикам и демагогам, к пьяницам и хулиганам — вот нерв и пафос художника, взявшего на себя обязанность очищать наше общество от скверны и пороков. Ты, Кондрат Кондратович, всегда жил и живешь в искусстве этим творческим нервом и этим творческим пафосом. Революцией призванный — это относим мы и к тебе с полным на то правом. Я еще позволю себе назвать тебя корчевателем зла: ведь заряд духовной бодрости, полученный нами благодаря победоносному смеху над носителями зла, приумножает силы добра, мобилизует и подвигает достойное дело. Следовательно, ты и нравственно влияешь на умы, на души современников.

Спасибо тебе за это, друже Кондрат!

Знаешь, что еще меня раду-

ет в твоём творческом облике? Ты сохраняешь достоинство борца в схватке даже с ничтожными предметами (ведь ворюга или ханжа — презренный!). Ты не суетишься, не брызжешь желчью и не опускаешься до ругательной издевки. Все искусство комического у тебя служит убеждению читателя или зрителя. И ты — убедителен в своих сюжетных хитросплетениях и в колоритных характерах действующих лиц. Я уверен, что твои «Милый человек» и твои «Врата бессмертия» еще дождутся современной режиссуры, которая сможет раскрыть всю оригинальность этих творений, как это сделали Л. Рахленко и Л. Литвинов, И. Раевский и К. Санников с твоими своеобразными пьесами «Конец дружбы», «Партизаны», «Кто смеется последним», «Поют жаворонки», «Люди и дьяволы».

Упомянув и те произведения, которые ты создавал в ином жанре, должен сказать следующее. Ты одинаково живописен в слове и в образе психологической драмы («Проба огнем», «С народом», «Люди и дьяволы»), страстен и ярок в масштабном эпическом полотне («Партизаны»), лиричен в публицистике («Поют жаворонки»). Палитра твоих красок сочна и колоритна, но ей известны и полутона, оттенки, нюансы, которые вносят полнозвучие даже в самые определенные жанровые вещи. Не потому ли так благодарны были тебе В. Влодарский и М. Шашалевич за роли в «Партизанах» или Л. Дроздова и В. Дедушко — в «Жаворонках»!

Беру на себя смелость утверждать, что ты славен и своими учениками, последователями, соратниками. Думаю, и нынче почтальоны и телефонные звонки донесут до тебя благодарные слова от

таких драматургов, как А. Макаенко, И. Шамякин, К. Губаревич, А. Петрашкевич, Н. Матуковский и А. Делендик, и они сами повторяют свое «спасибо» тебе от имени тех, кто литературно и граждански воспитывался на примерах твоего творчества.

На моих глазах ты был принят всем сердцем в число друзей и соратников Янкой Купалой и Якубом Коласом. С тобой улыбочиво и заветно беседовал Змитрок Бядуля. Мы вместе с Кузьмой Чорным и Петром Глебкой угощались сыром с тмином и поднимали за здоровый кубок, давая слово на верность нашим идеалам в искусстве. Ты делил ответственность за судьбы нашей литературы с Михасем Лыньковым и Петрусем Бровкой. Ныне Кондрат Крапива — авторитетный и мудрый старейшина нашей литературы.

Я горжусь тем, что ты бываешь в моей мастерской. Мне дороги наши душевные разговоры о насущных и вечных проблемах бытия. У меня есть надежда: ты на портрете моей работы смахиваешь на подлинного рыцаря, на оруженосца правды и добра, остававшегося таким, каким тебя знают и любят все в повседневности.

Рыцарь... и — сатирик. Справедливо ли такое сравнение? Рыцарь — и корчеватель пороков и зла... Вероятно, ты, Кондрат Кондратович, один из первых образцов такого гармоничного единства. Тебе воздано за твой талант. Любовь народа. Высокое звание Героя. Лауреат Государственных премий СССР и БССР. Ордена. Академик. Я что-то не при-

помню такого общественного уклада и такого государственного строя, которые так награждали бы сатириков. Видимо, коммунистические идеалы, утвержденные нами, нашей партией и нашим строем, столь искренни и последовательны, что и это проявление почтения к труду сатирика-комедииографа свидетельствует о настоящем нашем общественном здоровье. Мы не обольщаемся: зло и порок не исчезнут по мановению руки, у них есть своя живучесть и своя стойкость. Потому так нужны нашему обществу действенные виды оружия против зла и против пороков. Как говорил А. В. Луначарский, смех способен не только опровергать его престиж, срывать покровы даже с того, что раньше почиталось священным, а и наносить неизлечимые раны идеологии, враждебной смеющемуся. Ты — мастер такого смеха.

Пусть же и впредь остается в строю борющихся твое стальное перо!

Заир АЗГУР,
народный художник СССР,
Герой Социалистического
Труда.